

1
МЕДИКОМ
ВРЕМЯ
С. С. С. С. С.
И. И. И. И. И.

СМЕНА

28

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1938

10
КОП

ЗА СОВЕТСКИЙ КИТАЙ

КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЖИВЕТ! УЛИЧНЫЙ МИТИНГ РАБОЧИХ ГОРОДА ЧАНША В ПОСЛЕ ПОВЕРАЖИВА МИТТАЙСКОГО КОЛОСНИ

Пролетарий всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 28 ОКТЯБРЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Камрад. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая Гвардия“
Редакция журнала „Смена“. Телефон 2-35-26.

НАШ ПАРОВОЗ ЛЕТИТ ВПЕРЕД...

УДАРНЫМИ ТЕМПАМИ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ КОМСОМОЛА К IX ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ. ПУТЬ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ОСОБЫЙ КВАРТАЛ, РЕДУТЫ КОТОРОГО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЗЯТЫ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ШТУРМОМ. ВПЕРЕД ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕМПЫ УДАРНОГО КВАРТАЛА, ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ПОДГОТОВКУ IX СЪЕЗДА ВЛКСМ!

Будем работать так, чтобы превратить IX всесоюзный съезд в величайшее торжество ленинского комсомола и руководимой им пролетарской молодежи, чья энергия „увенчивает дело соревнования и ударничества решающими успехами“

Стелик.

НА СНИМКАХ: сверху — ударный отряд курских комсомольцев, добровольно выехавших на работу в Архангельский порт; внизу — рабочие комсомольцы ленинградского завода им. Карла Маркса заканчивают сборку сверхплана машины, собранной сверх плана в подарок IX съезду ВЛКСМ.

ПЯТЫЙ ГОД¹

М. Барсуков

Рис. Н. Корогун

Революция 1905 года была великой генеральной респетицией Октября. Неудача восстания не могла умалять его огромного революционизирующего значения. События пятого года приближали к политической жизни сотни тысяч рабочих, разрушили иллюзии о возможности притти к свободе мирным, «согластательским» путем. Отырок из повести тов. М. Барсукова рассказывает, как проводила этот процесс революционизирования и осознания своих классовых задач среди рабочих Иваново. Кровью забрызганы страницы истории. Двадцать пять лет назад старшим поколением рабочего класса был заложен динамитный патрон, превративший через 12 лет старую Россию в Союз Советских Социалистических Республик.

...Минута 1904 год. В городе чувствовалось что-то необычайное. С апреля беспестанно возникали стачки, работа стала еще тяжелей.

Из Петербурга, из Баку доносились первые вести грозных раскатов. Они застаивали нас забыть про то, что творилось на Дальнем Востоке.

Гранул преступный инарский растрел. Это был момент, когда у всего рабочего класса России вдруг опустели руки. Страшная беда раскрывалась перед ним. Но в следующий момент горячая кровь ударила в сердце, по стране загремел перекат забастовок.

Первого мая рабочие решили собраться в лесу, по дороге в деревню Гориню Народу пришло немало, но настроение было бодрое, праздничное. Выступали с речами ораторы, и между другими выступил и Подгорнов. Он сказал лишь несколько слов приветствия, но эти слова были для него самого решающими. А двенадцатого в Иваново началось стачка.

...В весеннем ярком воздухе все еще звучало то весело, то бурно:

Талка.. Талка.. Талка..

Небольшая речонка, протекавшая на северо-восточном окраине города, стала вдруг центром событий. Там собирался первый в России, избранный ивановскими рабочими в количестве более ста человек совет рабочих депутатов, куда прошел и Подгорнов. Там же, на Талке, происходили и общие собрания стачечников. В это время Подгорнов близко познакомился с одним из главных руководителей рабочего движения в Иваново-Вознесенске — старым ткачом Федором Афанасьевым, которого все звали «отцом». Это был сорокатишестилетний мужчина с черной окладистой бородой и круглыми стальными очками над владимиром глубоко ушедших острых глаз. Авторитетом он пользовался необычайным.

¹ Из книги «Третья столица».

Собрание совета рабочих депутатов в 1905 г. в Иваново-Вознесенске на Талке.

Широкий скат над рекой, за которым начинался лес, был полон народом, точно какое-то библейское чечевице разбросалось туда. Сходили тянулись иногда круглый день. У редкого оратора хватало голоса, чтобы его услышали все, но как пух, поражали слушавших слова ненависти и революционного энтузиазма. Эти собрания были тогда еще разрешены губернатором. Он сам приехал в город и появился на балконе городского здания, перед которой собралась рабочая толпа.

Подгорнов в это время был впереди толпы, и на вопрос губернатора — чего хотят рабочие от фабрикантов — отвечал именно он; губернатор, выслушав, заявил, что рабочие требуют большего, чем можно исполнить. Перебив его, Подгорнов сказал:

— Мы требуем того, что нам принадлежит по праву.

— Молчать! — закричал на него губернатор. — Не перебивать, когда я говорю. Не забывайте, что с вами говорит высший представитель власти в губернии

Подгорнов ответил:

— А с вами говорит представитель народа.

После этого губернатор отдал приказ запретить сходить на Талку. Третьего июля там раздался первые выстрелы — толпа не захотела подчиниться запрету. Половина стачка была арестована по главе с председателем — потом и гравром Аверинром Ноздриним. Заседания совета продолжались в тюрьме, стачка же сломана не была: в тюрьме побывали и Подгорнов.

Вскоре по требованию рабочих арестованных выпустили. Серьезных улучшений рабочим добиться не удалось. 25 июня ивановские пролетарии приняли на Талке решение вернуться на работу. Но в своем постановлении, адресованном фабрикантам, они заставили тогда, что только год заставлял их пойти в корпус, которые они снова оставят для борьбы, как только соберутся с силами.

Не зная, не зря ли вернулись рабочие к стачкам. Ни на один шаг до Октябрьских дней не прекращалось кипение в рабочей среде. Выпыхивали частные забастовки; случайно, директора сажали в рогожный куш и на тачке вывозили за ворота, чтобы там пылали в траву, полицейские, погнавших в рабочие районы, обстреливали. Продолжались и массовые собрания.

Восьмого сентября тысячу пять рабочих собрались ночью за селом Воробьевым в лесу Жары. Были разожжены костры, гремели речки... Казаки прискакали для разгона. Треск револьверных выстрелов заставил их повернуть обратно.

А рабочие, возвращаясь, пели с веселой злобой:

Нагайка ты, нагайка,

Сильна в стране родной,

Романовская шайка

Владеет над тобой..

Настали Октябрьские дни. В геобщая политическая забастовка охватила Россию. Народ требовал всеобщего самозабвения. В некоторых местах вспыхнули вооруженные восстания.

17 октября забастовка начинается и в Иваново. А 20-го, уже после издания манифеста о Государственной думе, перед зданием городской думы собирается рабочий митинг. Его разгонит нагайками казаки. Рабочие уходят на старое памятное место — к Талке. За полночь горят фавелы, отражая на черной-стальной воде реки. Сосновый бор ловит снова оратора и уносит их в свою гущу. Других таких дней в Иваново-Вознесенске не знали. 21-го снова собрался митинг у клуба приказчиков. Председателем «борзлаи отцов» Сухомякого, «блудни» проходила он среди рабочих, но казалось все содрогается кругом. Слезы, однако, владели его голосом, едва он начал говорить. Дальше выступил молодой Фрунзе и настаивал на том, что с манифестом мириться нельзя. «Вдова кровавого шара» — вот лозунг революционных рабочих.

22 октября в хмурый осенний день красная знамена опит устремились на городскую площадь. На них свая лозунг «Да здравствует вооруженное восстание!»

«...Нас еще судьбы беззастенчив жуют...»

Разнослезные слова песни.

В 12 часов городской площади полна. С трибуны гремит грубый голос союзника демократа Корда. Потом выступает помощник полицеймейстера. Он говорит:

Я думаю, что грядущие Иваново-Вознесенские соборуют здесь благодарить царя за его милость, а мы видим такие флаги.. Пусть кто не сочувствует им — отойдет вправо.

Направо не отошел ни один. В эти часа рабочие уходят демонстрировать по городу, а на площади собираются передовые полицейские и жандармы и всякий сброд. Из думы выносятся царский портрет в золотой раме и бело-сине-крас-

Разгук червостенной речки.

Московские пролетарии на похоронах Николая Баумана, убитого черносотенцами в октябре 1905 г.

ные флаги. Черносотенцы также направляются по городу с манифестацией в честь царя. На Ямках две толпы сталкиваются. Впереди черной сотни едет эскорт казаков. Он превращается в рабочую демонстрацию с требованием отдать флаги...

Огромное траурное знамя переходит в руки врага...

Часть рабочих уходит на Талку. Но и там ее преследуют казаки. Они появляются на городском берегу и крича просят выдать делегацию для переговоров. Парламентариями идут «отец» и еще один из руководителей движения. В то же время к казакам подвигается черносотенная толпа. Она хватается парламентариев и зверски избивает их. Рабочие бессильны по малочисленности что-нибудь предпринять, и товарищи удерживают Фрунзе, который, хватаясь за рукоятку револьвера, хочет перебежать толпу. Спутник чотыча, однако, поднимается и бежит к товарищам. «Отец» тоже бежит поднимая голову, но бежать не может, и убитый возвратился, чтобы добить его.

В городе в это время шел погром. И здесь разгорались события, особенно погромные Подгоровна.

Васса, жена его, женщина простая, но отзывчивая, пошла в этот день в город и столкнулась с льной бандой, грабительской толпой. Громкий как раз еврей Брискина, мелкого торговца, живущего с женой и детьми. Толпа к тому времени окончательно оверзела. Самого Брискина, скрутив ему руки, затолкали в сад, а семью выгнали под ноги все напавшей толпы. Мать и двое детей тут же были подмяты и растоптаны. Васса сначала замерла, а потом — не менее баумана, чем толпа — бросилась на несей. Первым ее ударили Шошин, торговец, известный портрет царя. Тогда она бросилась к проезду казаков и закричала им — как они это допускают? Те захохотали ей в глаза. Она обругала их.

— Мы на царской службе. Тише! — крикнул ей казак.

— Словохъ вашъ царь! — отозвалась Васса.

Над ней засадили нагайки. Жаркой сеткой покрыли они ее. Она уже не сопротивлялась, прижала к груди руки и вдруг от удара синицовым концом в висок замертво опустилась на мостовую.

Двинувшаяся дальше черная сотня встретила у Кампанских Лав шедших по тротуару Подгоровна. Смирнова, тоже социал-демократка, и беспартийного Быкова. «Спайте шапки!» — закричали им из толпы. Тройка не послушалась Толпа бросилась на нее. Подгоровна выхватил револьвер и выстрелил два раза в портрет царя и Шошина. В обе цели он попал; у него было такое чувство, что выстрелил он сто раз — все

пули попали бы в цель. Быкова убили тут же. Смирнов скрывается. Подгоровна пришлось убить еще одного человека — заводчика Пестрякова, с револьвером пресекшего ему путь.

Толпа направилась дальше. У Вознесенской церкви ее встретили попы с иконами и хором. Начался погром в центре города.

Убежавший от толпы Подгоровна видел, идя по городу, как в пыль разнесли домик Клавдии Коржиной — социал-демократки, как пол Александр из Гурьевской церкви стоял у аптеки, которую громил, и кричал:

— Многомилостивый господь бог, не отступил от нас, грешных, еще русский народ глубоко верит в него и поблагодарит вас, братцы, за уничтожение этой нечести.

Видел также Подгоровна, как к дому богатейшего ювелира, — еврея Бернштейна, подкаскивал полицейский надзиратель Нарбеков, городской пристав Лютров и другие. Они прерывали по приказанию полицмейстера начавшийся там погром. Около одной фабрики хозяин угодил вином подхлывших погромщиков и говорил, что три дня фабриканты дают на праздник, за который уплатят и во время которого нужно уничтожить крамольников. Тут-то Подгоровна увидел одного из своих, приходившего мимо, и узнал от него о Вассе.

Много мыслей и намерений промелькнуло у него в голове в тот миг, но он лишь поныри и глухой ко всему происшедшему вокруг, пошел, сам не зная куда. На его счастье никто из тех, при ком он стрелял, не знал его, и поэтому он остался на поле. Но когда 25 октября на фабрику возобновилась работа, он туда не пошел, и поступил правильно. На фабриках были свои громилы — в одном месте сбросили двоих социал-демократов с четвертого этажа, на другой затравили депутата в Уюдь,

которую он перепытал, и тогда, на другом берегу, ему железным ломом раскололи череп. На фабрике, где работал Подгоровна, орудовали Трошка Бяковский, Васка Домовой и другие. Все невесте была Васка Домовой. Шестидесятилетний кривоногий старик, длинный с длинными же усами и горбом на спине, он мало походил на человека. Вооруженный кувалдой, расправлялся он со всеми заповороненными в кравме, которых приводили к нему его соратники. Видели его и до время погрома, как он снискал молги с своих сапог и дико гоготал.

Подгоровна переправил сына в деревню и скрмлся из города. Два года он пробыл по другим городам, но был арестован и осужден на 10 лет. Только Февральская революция освободила его.

Год работал Подгоровна после революции в Иваново-Вознесенске, потом уехал с отрядом Фрунзе на фронт. Вернулся в двадцать третьем году. Тогда был выбран в губком. Но все еще тяготела над ним эта незажившая рана. Сан его встретил большинство восемнадцатилетними парнем. Но и он не тронул Подгоровна. И лишь через год, Первого мая, когда Подгоровна, среди других, стоящих на трибуне, принимал проходившее мимо парад, что-то давно умершее оживило в нем. День был, несмотря на раннее время, жаркий; колонны, колонны текли без конца. Подгоровна вместе с другими бросал лозунги в проходящую мимо стройными рядами толпу. Высоко ревели аэропланы, воздух был неподвижен, и алым стокм уходили в даль знамена. Комсомольская организация проходила мимо. Подгоровна увидела сына. «Сынам рабочего класса — привет!» крикнул он. И что-то увлекло его.

Он уже не мог остановиться — слова за словами рывались с его губ, он влохо создавал их, но отклик им встречали горячий. Жест, кроме Подгоровна, умоляки на трибуне... И тут совсем схлынула с Подгоровна столько лет владения им тяжесть.

— Да здравствует рабочий класс! — услышали в рядах.

ЛЕНИН О 1905 ГОДЕ

„Барометр показывает бурю! — так заявляют сегодняшние газеты, приходя телеграфные известия о могучем росте всероссийской политической стачки.

И не только барометр показывает бурю, но все и все сорвало уже с места гигантский вихрь социал-демократического натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий... перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне“.

Женева, 26 (13) октября 1905 г.

Названия на „царской службе“.

НА БАЛТИКЕ

Очерк Ивана Рахило

Комсомольский писатель Иван Рахило по поручению ЛОКАФА (Ассоциация писателей Красной армии и флота) принял текущей осенью участие в военных маневрах сперва в маневрах войсковой Ленинградского военного округа, затем — Балтийского флота.

Мы помещаем очерк тов. Рахило о Балтике.

В гавани, в далекой гавани
Минки огни зажгли.
В плавани уходит, в плавани
Каждый вечер корабль.

Свежий ветер вздымает снежно-зеленую волну.

Разбрасывая в стороны суробы пены, идет, дрожа от напряжения, линкор, окруженный эсминцами.

Корабль идет под флагом наркома. На капитанском мостике т. Ворошилов, Мулевкин и Буденный, одетый мориком.

Маневры в разгаре: испарительские суда окутаны дымом, простым глазом виден перископ подводной лодки. Пущенная на нас мина оставляет за собой легкое кружево пены: она идет нам наперекр. Линкор, загребая кормой волну, быстро меняет курс. По палубе бежит горнист и сигналист тревоги. По всему кораблю: в кухне, в машинном отделении, в конюгаре, в госпитале, в каюте, в пекарне, звучит тревожный звонок: один короткий и второй продолжительный. На корабле поднимается несуетная суматоха. Но это только кажется! На самом деле все происходит организованно и тихо.

Четыре года общения человека с машиной выработывают в характере краснофлотца безупречность действий. Каждый точно занимает назначенное ему место: артиллеристы уже задривают дуры оружейной башни, сигналистцы поднимаются по азбучной лестнице кормовой рубки, пекаря, натуна на головы противотанковые маски, остаются в пекарне и невозмутимо продолжают месить тесто.

В клубе готовились к вечеру самодеятельности. Услышав сигнал, артисты быстро снимают цилиндры, погони, мундиры, юбки (женщины на корабле нет, их изображают сами краснофлотцы), прямо в гриме то-ропливо несутся на сцену.

Из трубы, застилающей небо, густо идет комкастый дым: на палубу оседает шквал, угловатый пыль.

Я знаю — после боя краснофлотцев в ушах дождо и любовно будет вытирать голубое тело и неслыханно незачищенного лезвие орудия, обсыпанного черной пылью. Палубу тоже приходится надаривать каждый день: за борт стекает жирная, похожая на нефть вода. Утром палуба чиста и по размеру напоминает проспект небольшого западного города.

По боевой тревоге мы обязаны находиться в минной рубке. Пробегая по палубе, быстро забираем по лестнице и, согнувшись, идем в потуге помещенные бронированной башни. Здесь проветривается правильность попадания по мишени, ход корабля и его направление. Сероголазый краснофлотец свет нам вату.

— Заткайте уши, из 12-дюймовых палит.

будет.
Торпедой разрываем вату и заткаем уши: голоса соседей становятся глуше. Минер задривает тяжелую, как в негнорной каске, дверь. Девочка дернучит и распрямляет краснофлотцев:

— А рот как, открытым держать?

— Рот закрыйте, а то язык откусить можно.

— Неужели такой сильный удар?

— А вот сейчас бухнуть!

С напряжением ждем выстрела

И. Ив. Рахило читает красноармейцам свои юмористические рассказы.

Новиков-Прибой, старый моряк, синхронительно улыбается и героически выгибается в амбразуру башни: там виднеется кусочек свинцового неба.

Глухой, ни с чем не сравнимый удар раздается неожиданно, сверкнув огнем, ко мне на колени падает кепка Новикова-Прибоя. Ослепленный огнем, он закрыл ладонями глаза и присел в угол.

— Ну как? — смеется краснофлотец, — это еще не полный, а полузарядом был.

— Алексей Сидыч вытирает слезы.

— Ох-ох, братцы, — это не то, что в наше время. Здорово проклятая дуנית...

— Четвертый ударил, — сообщает краснофлотец, следя за циферблатом, на котором отмечается номер выстрелившего орудия.

Вот ударили залпом сразу на четырех — корабль медленно накренился и азбучно стал на место. Похоже на то, но небы затнуто огромной тугой шкурой и по ней, как по барабану, лупят тяжелой дубиной. Палуба пуста. Если бы там находился человек, то его в одну секунду сдувало бы воздухом за борт. Но на башне маячат два комедора. Ветер срывает их с башни — это «эзентички». Они наводят орудия в небо, ждут атаки самолетов.

Ожидание удара мучительно: мы робко сидим в углу, удивляясь спокойной работе краснофлотцев. Сигнал отбоя прозвучал для нас как счастье. С наслаждением выбл-кляем на палубу.

К лобу ветро заметно свежеет: идущий в километре эсминцы, распустив седые усы пены, покачивается на крутой волне, как подымывающийся.

На линкоре качка почти не ощущается. Спускается обедать.

Тут же в углу библиотечка: по жизни, по работе, по быту. Около полутора тысяч народу. Своя типография, электрическая станция, пекарня, клуб. После обеда из клуба передается радиокоммент. Играет духовой оркестр. Несмотря на неуловимый шум вентиляторов, стоит жара: чернобортный дирижер то-и-дело отбивает всплывший нос. После оркестра мы читаем рассказы.

Тут же в углу библиотечка: выдает книжки. За столом накопился безобразный краснофлотец и расписывает доску соревнования. Соревнование здесь имеет специфический характер. Приведу любопытный пример. Сегодня по время боя густая дымность мешала делать наводку орудий. Вырывается из трубы, дым распускался по ветру, совершенно заслоняя мишень. Конегары вынуждены уменьшать дымность. И через несколько минут из трубы потонулась прозрачная поода — корабль мог вступить в бой. Как идесть, самая маленькая пушкострелка играет здесь решающую роль. Вечером обходи-

корабль. Около разрешенных карт толпятся краснофлотцы — изучают путь прохождения эскадры. Спускается в машинное отделение — здесь аттестация чистота. Еще поинже — конюгары. Новиков-Прибой с удивлением разглядывает топки.

— Это же чорт знает что такое! В наше время в конюгаре было не меньше сорока пяти градусов. Конюгары после вахты задрели носом...

— Черные, вымазанные углем лица краснофлотцев сверкают снежной улыбкой.

— Теперь, брат, хоть тузуд надевай!

Огромные вентиляторы особой системы втягивают сюда свежий морской воздух.

Сила их велика, конюгары рассказывают, что очень часто к ним попадают птицы, втянутые вентиляторами.

— Одна была совсем красная, не знаю какой системы, — говорит невысокий конюгар.

Здесь и термины специальные: «Гитца, не знаю какой системы». Профессия накладывается на людей своей отпечаток.

Корабль — это прекрасная закрытая школа специальностей. Сюда приходят простые, ничего не видавшие люди, а выходят машинисты, радисты, сигнальщики, марсовые, клубработники. Практика тут же, по добком.

Краснофлотцы жаждут на плохом внимании со стороны шефов — писем не пишут. Учеба отнимает много времени. И не даром, когда мы стояли на капитанском мостике и Новиков-Прибой с грустью рассказывал о том, что из-за плохой музыки русский флот в 1905 г. потерял под Лусиной несколько тысяч человек, а японцы — всего четыре сотни, тов. Мулевкин ответил:

— Больше петь в учье, меньше крови на войне...

Ночью мы возвращаемся в Кронштадт: в крошечной тесноте виднеются огни Гельсингфорса, справа огненная туманность — Ревель. Рампугот стонет от тета.

Утро выдалось ясное. Корабли разукрашены разноцветными вымпелами. Борт линкора окутан черной каймой краснофлотцев. Тов. Ворошилов обходит рубку. Вместе с ним идут: Буденный, Мулевкин, Тухачевский, Викторов, Богуславский. Краснофлотцы радостно отвечают на приветствие наркома.

На обшкоробельном митинге тов. Ворошилов дает оценку маневрам:

— Балтийский флот показал себя на пять с плюсом. Корабли находятся в надежных руках...

Осеннее солнце качается на бутылочных волнах. Яхты морской секции Особыхвимах кружат у кораблей, круто заворачивая и почти касаясь воды желтыми крыльями парусов. Они отдают флоту вохшиенный салют.

заявлял прав. Это была действительно достопримечательность, характерная для существующего строя Норвегии. Одевшие в причудливую форму, с шапочкой размером в половину чашку на голове, гвардейцы «гусиным шагом» выстроившись вдоль фасада дворца, неизвестно прямо лежачь туповице и высоко вскидывая негнущиеся ноги. Дойдя до угла, они делали поворот «кругом» и шли до следующего угла. И так четыре часа без отдыха. Их движения напоминали механическое, бездушное похаживание машинки.

— Тик-так... Кругом... Так-тик... Кругом...
Зная, что в Норвегии миллионная система прыжка, мы спросили проводника:

— Кто же составляет кадры?
— Офицеры.
— Что же они делают зимой, в то время когда не бывает сборов?

Проводчик засмеялся:
— Они организуют школы верховой езды, танцклассы и прочие соответствующие их положению доходные «предприятия».

Когда мы возвращались на корабли, то видели, как трое гвардейцев прогуливались с винными красnofлотцами. Шли в ногу, крепко печатав шаг...

Убедились, что «поворот кругом» имеет разный смысл. Перед дворцом гвардейцы поворачивались через правое плечо, а на бульваре, встречаясь с советскими моряками, делали крутой поворот через левое. Хорошая вещь — крутые повороты, особенно через левое плечо.

★

В августе наши футболисты получили приглашение на товарищеский матч от одного спортивного клуба. На другой день, захватив с собой оркестр, бойцы отправились на стадион.

Однако перед входом их встретил один из служащих, который заявил, что игра не состоится, так как приглашенный красnofлотскую команду действовал «без согласия совета спортсменов» и что, поскольку в матче должны были участвовать исключенные игроки (главным образом коммунисты), совет запретил игру. Побежавший в это время член правления спортклуба попросил красnofлотцев подождать выяснения вопроса.

Сюда позволено надписать Вам наши магазины для закупки разных товаров по очень низким ценам.

В виду важности большого выбора между прочим можно приобрести:

Кожаные изделия. Чепчики, шапочки и подкладки.

Галантерейный товар. Парфюмерия. Ножи. Бельевые бретки (кошельки). Ножи для бритья. Ботинки и чулки.

Готовые платья. Облегающие изделия. Платья.

Говорить по-русски.

Ворота стадиона охранялись полицейскими. Внутренняя толпа враждебно настроенных по отношению к ним норвежцев нетерпеливо дождалась газетчерез вопроса. Надвигалась гроза. Достаточно было маленького повода, чтобы произошел скандал. Может быть просто скандал, а может быть и политический. Мы знаем, что социал-демократы не меньше своих хозяев ненавидят Советский Союз...

Потому:
— Даем одну минуту срока на выяснение вопроса. Следим по секундомеру...

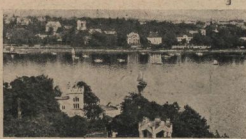
Скандал все-таки произошел. Красnofлотцы были свидетелями дикой расправы полицейских с рабочими в кашокопальной, шпильмановской стране. Когда «синица» дубинка, еле сдержались, хотелось превратить упитанную, нахальную физиономию полицейского в отбивную котлету.

Цель была та. Один спортсмен распахнул ворота стадиона и крикнул:
— Товарищи, путь свободен!

Справа: норвежские коммунисты на советском судне.
Внизу: основный флот: рекламные объявления, розданные красnofлотцами ословским купцам.

Тогда лавиной ринулась в ворота, но ее путь преградили кордон «политбюро». Страж культуры и демократии выхватил из-под кителя резиновую дубинку и, крикнув, как ясирик, разрубаящий тушу, ударил этим «символом капиталистического правосудия» по голове рабочего. Тот упал. Другая упитанная полицейская свинья железными тисками лоп сдвинула женщину. Дикий, нечеловеческий крик унесал это избиение.

Еле сдержались.
Минута прошла. Не получив ответа, купцы повернулись и ушли на корабль.

★

Были в магазинах. Видели, что полки заставлены промышленными изделиями. Но как раз потому, что в магазинах слишком много товаров, рабочие вынуждены голодать. Покупательская способность трудящихся упала до минимума. В магазинах горы товаров, а покупать никому.

Средний месячный заработок рабочего составляет 120—150 крон (60—75 руб.); из этой суммы 30—40 крон рабочий должен уплатить за квартиру, 80 нарасходовать на еду, внести налог и т. д. На «дешевые» промышленные изделия у него ничего не остается. Неудивительно поэтому, что норвежцы обычно готовят обед из одного блюда, совсем не употребляют мяса, предпочитают еду дешевой маргарин, и смотрят на хлеб, как на лакомство.

Цены же на сельскохозяйственную промышленность (хлеб, молоко, картофель, овощи и т. п.) довольно высоки.

Страшный прирак мирового кризиса уже навис над берега Норвегии. Его шари гулко отдаются во всех торговых предприятиях, на заводах, в мастерских. Все чаще расслаиваются ворота фабрик, выбрасывая сотни и тысячи обреченных на голодную смерть рабочих. Двенадцатитысячная армия безработных в одном Осло (с его 35 000 рабочих) — грозный сигнал.

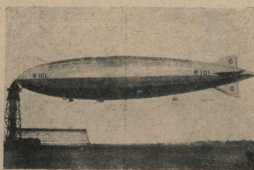
Затоваривание говорит не о процветании, а о приближающейся катастрофе.

11 августа в 6 час. вечера эсминцы сбили с палоры в Осло и вышли в Кронштадт.

15 августа в 12 час. в кронштадтской гавани звякнули приветственные сигналы. Корабли подошли к стенке.

За время похода эсминцы прошли две тысячи двести шестьдесят миль, при 151-х часовом ходе.

ГИБЕЛЬ ДИРИЖАБЛЯ „P-101“

Вблизи Парижа, около г. Бозе, взорвался и сорвал самый большой в мире английский дирижабль „P-101“. Из 58 человек, находившихся на дирижабле, погибли 50 и 8 детей ранено. В числе жертв катастрофы — английский министр авиации лорд Томсон и директор английского воздушного флота Брэннер.

НА СНИМКАХ: Вверху — английский дирижабль „P-101“ у причальной молы в воздушной гавани Нартингтон.

Внизу — разрушенный дирижабль „P-101“.

УДАРНИКИ СОВЕТСКОГО ДЕТРОЙТА

Очерк А. Еремченко

«Безусловно, эти люди являются великолепным резервом для пополнения рядов комсомольской организации строительства. К IX съезду они все до одного будут в комсомольских рядах».

Стояла середина июня. На площади строительства Автозавода шла ожесточенная война за tempo, намеченные планом. Но все прорывы, все усилия рабочего коллектива терли большой процент «коэффициента полезного действия» из-за расхлябанности и неумения поставить по-босому работу с выгрузкой строительных материалов в гавани.

Мы сидели на берегу, опоясанным легкой из песка, буга, бочек с цементом и свежескопленного соснового леса. Ока тихо пелась, чуть-чуть покочившая караваны многочисленных барж, нетерпеливо ожидающих разгрузки.

Мой товарищ, один из руководящих работников гавани, сидел с видом затравленного, истерганного человека. Каждую минуту наш разговор прерывали десятичники и старшие артели. Каждый приход давал новый повод для раздражения.

Артельщики заявляют, что люди не хотят очищать баржу от цемента. Другой сообщает, что выгруженный песок должен быть немедленно убран, иначе не сегодня-завтра его затопит. Необходимое количество рабочих для быстрой уборки песка нет.

Донесения с трамвеюк еще более стужали уши. В новой смене в кожух барабана кто-то бросил большой камень. Трамвеюка вышла из строя Барабан погнут и требует ремонта. На другом механизме в цепь Галия кто-то заложил железный брусок — цепь порвалась.

Каждые четверть часа поступали запросы со строительных участков с просьбой усилить подачу материалов. Но требования не выполнялись. Не было контакта между гаванью и строительством. Товарищ, потеряв самообладание, хватался за голову и в бессельной злобе вопил:

— Что делать... Скажите, что же делать? Кругом лодыри, рвачи. У нас в гавани баржи простаивают в два-три раза больше, чем следует. Мы десятки тысяч рублей выбрасываем на ветер, вылавливая за простотой тоннажа Госпароходство. Мы задыхаемся от недостатка рабочих.

В десятке метров от нас стояла безобразно пылящая пареня, с опаской поглядывавшая в нашу сторону. В позе и лице пареня ясно сказывалось желание подойти к нам. Наконец, видимо сообразив, что наступил момент, когда с человеком можно говорить, паренек подошел и несмело потронул:

— Пришла комсомольская бригада.нас 20 человек. Пришли к вам ликвидировать прорывы. Давайте работу.

Инженер несмело секунд стоял против парня и искривил из него невидящими глазами. Затем усталю махнул рукой:

— Давайте, ребята, на песок, на песок! Если не успею убрать в три-четыре дня, Ока сляжет песок.

Парень повернулся, часто засеменил к конторе. Инженер встрепенулся и, оживляясь, закричал:

Посадки СССР на автомобилях!

Мотор вытеснит доверственный транспорт.

— Не подкачай там!

Так начала свою жизнь ударная комсомольская бригада-коммуна Переходникова.

Группа в двадцать человек, как снежный ком, пушенный под гору, развивая tempo работы, начала расти, пополнилась ежесменно новыми ударниками-комсомольцами и беспартийными молодыми рабочими.

Вначале комсомольская бригада-коммуна ничем особым в гавани не выделялась. Как обычно, администрация, а вместе с ней и организация строительства отнеслись к бригаде равнодушно. Но качество работы бригадировало малою вскипе понятию о сроках и темпах.

Обычно трамвеюку обслуживала смена в 50 человек. Бригадир сначала тоже поставил по 50 человек, но ряд мелких рационализаторских мероприятий позволил сократить смену до 30. И там, где смена неорганизованных рабочих из 50 человек промучалась 30 кубометров гравия, смена коммуны из 30 человек довела выработку до 60 кубометров.

Коммуны с самого начала решили получать заработок на одну расчетную книжку и забирать продукты организованным путем, имея на вес состав коммуны один заборный документ. Даже эти простейшие элементы обобществления позволили сохранить массу драгоценного времени.

Обобществление, освобождая время, позволило коммунам твердо поставить крест на рваческих тенденциях отсталой части рабочих.

За очистку баржи от цемента артели рабочих обычно требовали не менее тысячи писютов рублей. Коммуны эту цену срезали до 800 руб. и ускорили процесс работы. В несправных респираторах, доводящих до кровохаркани, задыхаясь от забивающейся в легкие вредной цементной пыли, коммуны ошпарили баржу, не давая простоять ей на одного днища часа.

Основная часть коммуны — а в ней теперь больше пятисот — разбита на отряды по 30-35 человек. Восемь таких отрядов обслуживает две трамвеюки. Трамвеюки работают бесперебойно три смены. На каждой трамвеюке — три группы основных и одна подменная.

В каждой группе — ответственный бригадир, который расставляет коммуны на работе и руководит их действиями. Он следит за тем, чтобы группа всегда имела работу, чтобы закончить операцию на одном участке, она переходила немедленно в другую.

Очень часто комсомольские начинания идут прахом из-за скверной организации всех работ в гавани.

В августе на трамвеюк смена выработала 62% установленной нормы. Моторы не знают дела; то мотор встанет, то

ковш сломаются. Слесари, работающие на ремонте механизмов, выполняют свои обязанности недобросовестно. После починки механизм через полчаса останавливается, вновь.

Десятичники не умеют организовать работу и направить ее по нужному руслу. Десятичник Колосов организовал установку транспортера так, что его уронили в воду. Другой работник из руководящего состава гавани посоветовал в бензин налить масла. Мотор, заправленный этой смесью, не могли пустить в работу три часа. К механическому крану от электроустановки проведены голые провода прямо по земле. Малейшее прикосновение к проводу ногой, и неосторожник, описав тройное сальто, летит с ног.

Единственный выход из положения коммуны — вводить в привлечение к работе на всех ответственных участках гавани своих ударников-комсомольцев.

Важно между гаванью и участками строительства устанавливается в сутки один раз. Положение неормальное. Суточный оборот вагонов должен быть увеличен в два-два с половиной раза. Коммуны, чтобы добиться таких темпов работы транспорта, на-днях создали спешную бригаду в составе девяти человек. Эти девятно разбираются на три отряда, чтобы работать круглые сутки. В задачу «спешной» входит погрузка состава в гавани строительных материалов. Затем вместе с составом коммуны следуют к месту выгрузки, разгружат вагоны, максимум сокращая простои в тупиках, и возвращаются вновь в гавань для погрузки.

Замедленный темп стройки социалистического города для Автозавода не прошел мимо коммуны. Коммуна выделила десяти человек и послала их на постройку, дав задание немедленно исправить положение. Сборка металлических конструкций по рессорному цеху идет недопустимо вяло. Срочно формируются отряд из тридцати человек, и в гавани перебарывается на сборку конструкций.

Показывая образцы героических темпов и обеспечивая своевременное окончание постройки автогиганта, коммуны не забывают об учебе. Все коммуны-ударники готовятся стать квалифицированными рабочими тридцать человек посланы учиться работать на американских машинах. Весь состав коммуны проходит учебу на курсах штукатуров.

Беспартийный рабочий молодой, составляющий четвертую часть коммуны, работает не хуже комсомольца. Безусловно, эти люди являются великолепным резервом для пополнения рядов комсомольской организации строительства. К IX съезду Союза они все до одного будут в комсомольских рядах.

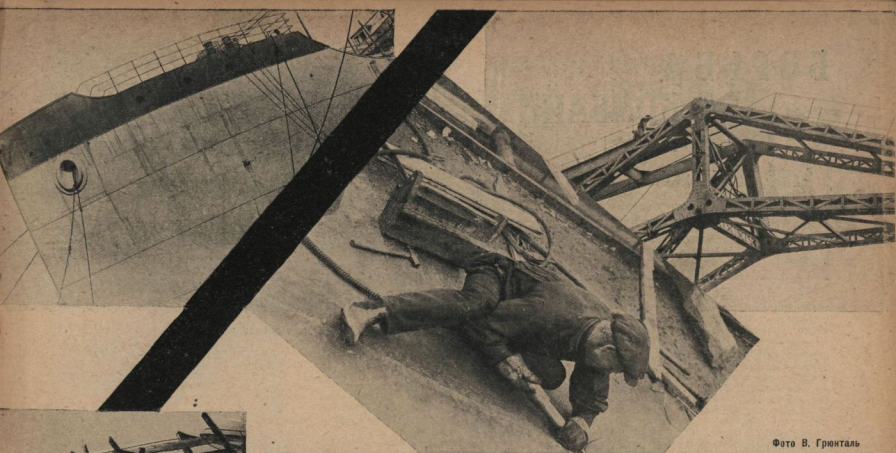

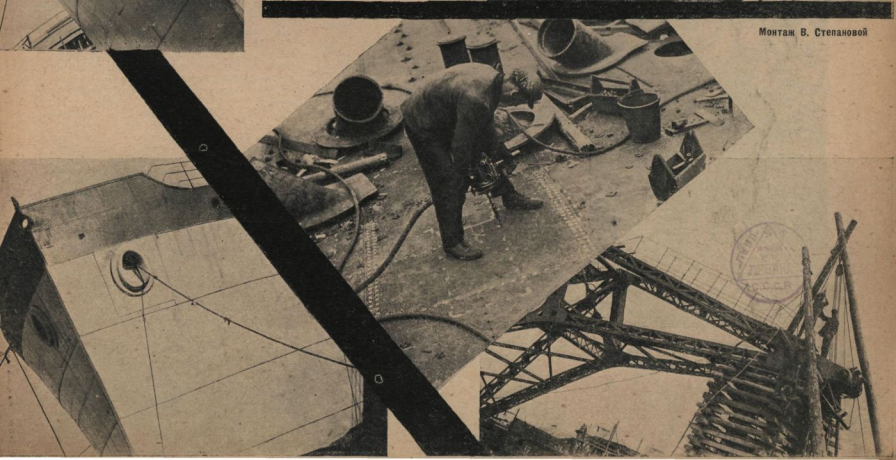
Фото В. Гренталь

**СТРОИМ
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ВОДНЫЙ
ТРАНСПОРТ!**

Судостроительная
верфь в Сормове

Монтаж В. Степановой

БОРЬБА ЗА КОМБАЙН

Очерк А. Ерихонова

В своем очерке средневожжский корреспондент «Смены» тов. Ерихонов показывает оппортунистическую близорукость руководства зерносовхозом, не понимавшего огромного значения комбайна. В зерносовхозе шла борьба за комбайн. В этой борьбе комсомольская ячейка оказалась фактически на стороне оппортунистов. «Мудрое решение» комсомольского собрания — лучший тому пример.

Степь. По обеим сторонам расчесанной грейдером дороги необъятное золотое море пшеничных полей. И, как трюфль, — ровный шедет колосшек.

Сюда не шел человек. Не под силу было крепким круторгим быкам да мускулистым лошадям поднять целину. Не выдержат, надорвутся. Но стране строящегося социализма нужен хлеб. В 1928 г. пришли в степь, где теперь Пугоринский зерносовхоз, люди, посланные партией. Разорачивая пласты земли, машины формировали сознание людей, переделывая их, пересовтиславля, перучивая. Люди давали машину. Машины давали людей.

Ниодного фунта на час-
тинный рынок всеизделии
государству!

Красный обоз выехал к в. Красной армии.

Комбайн «Хельт» убирает и обмолачивает сношенный хлеб.

Возник в голой степи поселок. Вечеринки, батраки, сегодня рулетки трактористов, шопера комбайнов, рабочие мастерских. А рядом с Пугоринским совхозом — совхоз «Волжская коммуна», совхоз «Батрак», совхоз им. Фрунзе, а там на многие сотни километров вост земли группы оренбургских зерновых барняк.

Электрические огни зерносовхоза, гудение и треск «каторжников», «соиль-бузелей», «штергов» притягивают десятки тысяч колхозников и единоличников жадных вокруг совхоза. Они смотрят, как работают машины. В местной печатной газете «Зерносовхозец» я прочитал:

«Колхозники из окружающих колхозов, собравшиеся на Казанском участке № 1, с нетерпением ожидали начала работы комбайна и восторжались, радовались и аплодировали, как только удалось наладить правильную работу комбайна».

Механизация хозяйства требовала новых навыков и методов работы. Люди, ставшие у руководства, не имели их. В зерносовхозе шла борьба за комбайн. Комбайн, работе которого аплодировали колхозники, как им удивительно, встретил на своем пути к полям бюрократические баррикады.

Из кабинетов дирекции по адресу комбайнов раздалась отповедь не аплодисменты. Еще до их прибытия, в январе 1930 г., выносятся специальные постановления:

«Оборку мягкой пшеницы, за исключением «семян», производить сноповязками. Поставить вопрос перед отделом механизации о замене части комбайнов сноповязками, в соответствии с чем загрузка сноповязок будет 10, а не 6 дней».

Пошла в ход теория об ограниченной возможности применения комбайнов — вначале на мягкой пшенице, а затем и на твердой. Вместо мобилизации массы на работу с комбайном распространялись слухи, что комбайн не соответствует рельефу местности, оставляет несжатые целые полосы и т. д. и т. п.

Комбайн затирался на деле. Трижды меняли план уборочной кампании — трижды уменьшали роль комбайна. Старые и молодые специалисты, руководители зерносовхоза, постепенно объединились в борьбе против комбайна.

В зерносовхоз приехала оргпартгруппа ЦК. С цифрами в руках дралась она за комбайн.

Чтобы принизить значение сложных машин, люди, боявшиеся социалистических темпов, запроектировали работу комбайна 20 га за 18 час. и виждовера — 20 га за 20 час. В первые же дни работы группы плановые нормы маловсеров были сняты. Энтузиасты-ударники сделали 32 га для комбайна и 40 га для виждовера.

Тогда дирекция формально сдалась. Комбайну отвести в плане уборки должно сто. Но... план планом, а на деле руководство не нагружало комбайна работой.

Не важно, что сноповязки и лобогрейки представляют вчерашний день, что они убоят и выглядят в огромном хозяйстве, — зато они привычны, с ними легко. А комбайн — это новое, незнакомо, непривычное.

Руководство совхоза не верило в комбайн. Надо было дать отпор малочисленным, но делавшим техническую революцию. Высокая сухощавая фигура старого партийца Аригутаева, прозванного в шутку Виндрочером Пикановичем Комбайном, мелькала на различных участках совхоза среди комбайнеров и трактористов. Он выступал, подбадривал, советовал. Энтузиаст аванга отлем и волей к борьбе другим. Нормы работы комбайна подсаживали вверх, были в лицо оппортунистам. Так завоевывали место комбайну, так делали техническую революцию.

Зерносовхоз стал узлом, где сплелись, в классовой борьбе между вчерашним и сегодняшним днем. Между ними болтались болаты, колебавшиеся, глупости и политические слепоты.

Зерносовхоз, окруженный деревнями, втянувший 90% рабочих, связанных с землей и в значительной своей части имеющих собственное хозяйство, не мог застраховаться себя от влияния врага и его агентов. Классовый враг, пробравшийся в совхоз на работу, имел перед собой людей, еще не осознавших себя пролетариями, еще находящихся в плену мелкобуржуазных настроений. Это те, у которых, по словам Безменского:

«Банка и сердце — на селе,
Штапы с карманами — в токарной».

В разгар уборки хлеба одновременно на двух участках сезонник заговорил языком рвача. На одном участке было подано коллективное заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, нам нужно, чтобы обильный начсет зарплат, если не выше 2 рублей, то извините, а то мы начали смеяться над всеми рабочими. Если не прибавите, то уедем все, как одно».

На собрании выяснилось, что инициатором этих выступлений является липищев Волочов.

При пуске двух комбайнов, они жалобно заскрипели деками. Затем деки треснули: «сметы» были подожжены клочьями. На участке один за другим вышли из строя два трактора, ведущие комбайны. При осмотре оказалось, что боат шатуна в двух местах, под головкой и на середине подшипника. Третью августа взорвался трактор, на котором работал тракторист Лаврентьев, за рекомендовавший себя до этого классово враждебными разговорам. Так исподтишка, без за угла классовый враг предательством пытался сорвать строительство зерновых барняк.

В совхозе идет острая борьба за комбайн, за темпы. Комбайн здесь стал

«Опорным пунктом для борьбы,
Но уг борьбы тут не случайная».

Алеша Адамия

Друзья, мы спорят вступо на стани,
Где слаженней ходят конвейер работ.
Мы вызовем лучше на соревнования
Соседа завод.

И мы не отстанем от темпа, хоть треснем,
Богатой ударной об'явим себя...
И борд комсомолец, как звонкая пени,
Желодо упрямый серым тербя.
Идем в пятиклетку третий год!
Мы бросим в поля отряды из стали!
В том щехе, где люди ударными стали,
Никто шедущих ремней не сорвет!
Для свершения общего дела
Мы объявляем ударным щех.

Цифры и сводки командуют смело,
Упрямими стали сердца у всех.
Сегодня литовый мы вызываем,
И князид в ударной работе горт.
Мы с боем победу у дней вы ищем,
А тем, кто ослаб, комсомолец говорит:
— Сердца ледяник размывает, ная водм.
Победная стройка князид горт.
Вперед, покосенно ударных заводов,
Стремительных темпов, борьбы и побед!

Перев. с груз. Г. КРЕЙТАМ

СЛОВО НА СЛЕТЕ

Ген. Фии

Товарищи.

С этой трибуны сейчас
Дается мне слово—

И вот
От всей души поздравляю-вас
Тех, чьи гудки неминуably помят,
Кто солдуи и ветру рад,
Кто себя Республикою

отдает полностью
В труде ударных бригад.

Еще недавно—
всею лишь столетью—
Лучшие мечтали

И признавались: мечта!
Это было еще вымыслом, когда были мы дети,
И билью становится сказка та.
И не там, что просто, чудесаи
Становится сама собой,
Нет, товарищи,

ее мы делаем сами
Своею собственной рукой.
Вспомним тех, кто голас свой подлил—
И егора в каминахатк термы,
Чтобы дать нам возможность сегодня
Делать то, что делаем мы.
Наше дело растет в аду листовратной,
В лабораториях

И руднике,
В кандай блазе, потом заплатинной,
В кандай трудом направленной руде.
И пусть жизнь тиннее железа
И не там, что просто, чудесаи,
Но врандебному дулу обреза
Отгнуть нас назад на века.
О, сколько глаз и сердец за нами,
Нашеленных волнениям, следят
За каждым шагом нашим.

Перед сынами
В ответе мы с головы до пят.
Недоделал, забыв гульвые.
Отдых не оставил следм,
Едва ли не впервые в мире
вперью
Мы постигаем радость труда.
О чем вчера говорилось несмело,
Зачуало лшм лозугом,

двине, как вызов,
Стало простым осознанным делом—
Строительством социализма.
Это жизнь моего поколения,
Вознесенная в драгахат забот.
Там прама же мое поздравление,
Плева, то, что сегодня знает!

лением больших темпов работавших вместе с ним штурвальщика и тракториста. Поэтому их комбайн шел быстро вперед. Айгерова материал, Айгерова князи, и все же комбайн Айгерова шел впереди.

Тогда на комсомольском собрании член бюро Сухинни пустил струю вонючей лжи. Он сказал:

— Айгеров подлиза, подкалм.
Никто не дал Сухиннину отпора.
Через несколько дней после собрания и беседовал с секретером ячейки Михайловым.

— Почему Айгерова называют подкалмном?

— Был у нас один комсомолец-штурвальщик. Айгеров отказался с ним работать на комбайне. «Лениный», говорит, не подойдет для моего комбайна».

— Это все?

— Нет... Рабочком и администрации зовут Айгерова Николай Павлович. Он комсомолец, а его зовут Николай Павлович. Не любит этого масса. Я про себя скажу—не могу я этого терпеть как секретаря, чтобы его звали Николай Павлович.

— Что же тут особенно плохого, если хорошего ударника, хорошего молодого рабочего зовут не Колька, а Николай Павлович?

— Ответа не последовало.

Вечером секретарь совхозного коллектива ВЛКСМ Баранов проводил собрание. Недостаточно политически ориентирующийся, нерешительный и вяловатый Баранов не сумел поставить вопроса о травле Айгерова по-большевистски. Выступил Сухинни и заявил, что он не травил Айгерова как ударника, а считает его подкалмном как человека (!). И собрание приняло мудрое решение: поручить бюро расследовать—травят Айгерова как ударника или как человека.

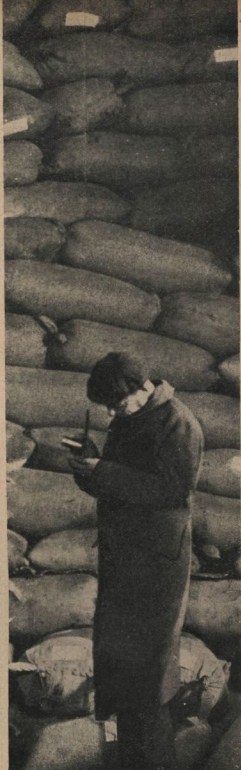
Лучшим ответом на это возмутительное постановление явилось событие следующего дня. Айгеров вышел в смену. Два с лишним часа он, штурвальщик и тракторист бились над комбайном. Комбайн не шел. Наконец в одном из небольших отверстий, предназначенных для пропуска воздуха, обнаружил жутки соломы, смазанной соидолом. Ночью, когда комбайн стоял, вредители черным делом обдуманно постарались сорвать работу ударника.

Каков же конец? Чем кончилась борьба за комбайн в совхозе? Ударники смеи бюрократические баррикады. Уборочная окончилась полной победой комбайна. Из 22 000 га проектировалось отвести комбайну 7000. Комбайн убрал 18 000 га.

Негодия, травившие энтузиаста-ударника, исключены из комсомола. Распущены бюро члех ВКП(б) и ВЛКСМ.

Совхоз разворачивается. Если в этом году соберат урожай с 22 000 га, то на будущий год, уборки будет проходить на 50 000 га. Враг не улет. Враг будет биться. Нужны крепкие люди, способные руководить.

Ср. Волга
Погромский совхоз

На сыльном пункте.

Николай Айгеров, батрак и комсомолец, премириванный за показ лучших образцов ударной работы в посевную, был поставлен работать комбайнером. Утром, выходя на смену, Айгеров будил лениных, торопил, напоминал о работе. Он сумел зажечь же-

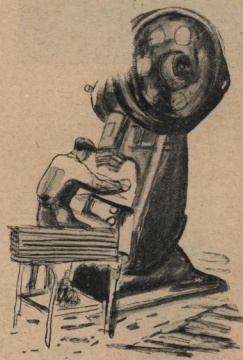
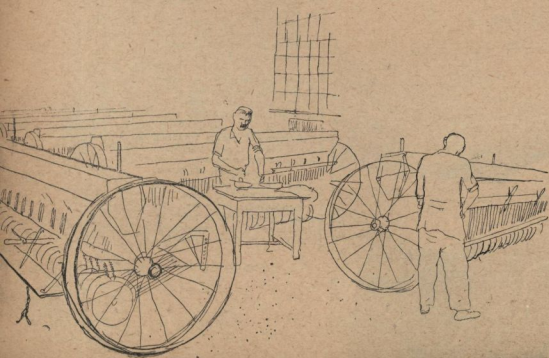

ВООРУЖАЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Художники Кукрыники по специальному заданию Госиздата побывали на ряде крупнейших заводов, с-х коммун и строительстве СССР. Они зарисовали людей и вещи, включенные в сверкающую лавину социалистического строительства. Они встретились на местах с огромным неисчерпаемым

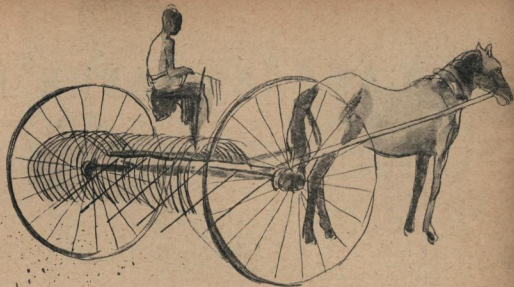
материалом, не нашедшим до сих пор своего воплощения в линии и краске. Мы помещаем сделанные Кукрыниками сами зарисовки Сельмашгиганта сельскохозяйственного машиностроения — и коммуны „Борьба“, на полях которой работают сельмашевские орун.

НА РИСУНКАХ: Вверху — завод Сельмаштрест; ударная бригада туземно-прессового цеха. Внизу — завод савок; коммунки за штатовскими станком.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ МАШИНОЙ

Рис. Кукрыников

ПЕРЕГОНЯЕМ АМЕРИКУ

... Если сельскохозяйственное машиноснабжение в 1913 г. составляло 120 млн. руб., то в 1922 г. оно спустилось до 12 млн. руб. Это низшая точка. Далее идет непрерывный рост машиноснабжения. Мы имеем удоевание снабжения сельского хозяйства машинами против соответствующего прошлого года: в 1923—24 г., в 1925—26 г., 1929—30 г. и, наконец, в 1930—31 г., когда оно должно достигнуть, согласно утвержденной Центральным комитетом партии программы, суммы 800 млн. руб. (без тракторов) против, примерно, 400 млн. руб. нынешнего года... В машиноснаблении сельского хозяйства мы уже в будущем году не только догоним Америку, но и перегоним".

Из доклада тов. Яковлева на XVI съезде ВКП(б)

САМОДЕРЖАВИЕ М-РА ПИРГЭМА

Г. Дж. Уэльс

Нике мы даем несколько отрывков из нового романа Г. Дж. Уэльса «Самодержавие м-ра Пиргэма». Этот роман рассказывает подлинные стремления английского империализма, готовящего войну против СССР.

Консервативному профессору Пиргэму во время спиритического сеанса снится сон, в котором воплощаются его заветные желания и сам он оказывается обладателем всех тех качеств, отсутствие которых в действительности он особенно остро ощущает. Он становится диктатором Англии и проводит в жизнь политику великой Англии, политику удивления революционного движения, политику захвата новых колоний и, главное, политику разгрома СССР.

Но, как часто бывает в снах, успех сменяется неудачей. Воинственная политика скромного профессора наталкивается на неожиданные препятствия и терпит крушение.

Уэльс использовал сон Пиргэма для сатирического изображения правящих кругов Англии и для изображения ужасов будущей войны.

В романе под слегка измененными именами фигурирует ряд действительных политических деятелей, членов английского парламента и правительства, Муссолини и прочие европейские знаменитости. Премьер Макдональд под именем Макудэу; премьер Боддуин назван Болдинном; министр рабочего правительства Сноуден — Сноуфильдом; лидер либералов Лэйдл — Дженд-Джорджем; рабочий депутат Кенворти — полковником Бенероти; лидер независимой рабочей партии Макстон — Вэкстоном; Чемберлен — Чемберландом; бывший министр внутренних дел консервативного правительства Джойсон Хикс — Джемсом Джиксом; Муссолини носит в романе имя Парамуци и т. д.

1

Вождь был не способен ни на какие колебания. Одежды в форму королевского покровя, выбранную после тщательного исследования вопроса — в каком наряде приличествует разогнать законодательные собрания — и изготовленную под нажимом с изумительной быстротой, предводительствуемые Пиргэмом, вожди «Лиги верховного долга» выступили во главе массовой народной демонстрации в поход на Вестминстер. Вождей сопровождал особый отряд гвардейцев лиги, вооруженный револьверами и шашками. Толпа окружала здание парламента. Полиция сопротивлялась нехотя, так как начальник полиции считался был сам человек с сильной волей и как начальник полиции считался с миром. Полиция пыталась подойти к историческому походу на Вестминстер формально, как к обычному учинному движению, и хотела отвести его поток на Челси. Когда это не удалось, полиция, следуя заранее выработанному плану, покинула здание, промаршировала в полном порядке по Парламентской площади и удалилась тусклою, предоставив лиге поле битвы. Мисс Эдлен Вилкертсон оказывала мощное сопротивление в одном из коридоров в течение нескольких минут, но приближение подкрепления одолжи ее: «Горючий» папа.

Палата общин как раз в это время заседала и, видимо, не зная, как выйти из положения. Глава лиги, окруженный своим штабом, вошел в зал заседаний через вход для посторонних. Атмосфера зала была напряженной до крайнего предела, когда эта высокая и стройная, но вместе с тем зыбучнейшая фигура, окруженная преданными соратниками, поодиночке и ее материнским влечением, встала лицом к лицу со спикером¹ и его двумя помощниками в их старомодных париках. Кто-то закричал в колокольчик, в который звонил перед голосованием, и зал быстро наполнился. Члены рабочей партии толпились слева; среди них выделялся огромный полковник Бенероти. Разговоры или шума почти не было. Огромное большинство присутствовавших членов парламента молчало, разинув рот. Некоторые возмущались, но многие на правой стороне палаты явно сочувствовали происшедшему. Наверку служители пытались, но без особого успеха, очистить галерею от

¹ Председатель палаты общин.

посторонних и балконов от почетных гостей из пубрики. Репортеры галереи или судорожно строчили; в их ложи наблюдалось блистательное оживление.

Методично и точно, как всегда, телеграф в столовой и курительной сообщил: «Диктатор вступил в парламента с вооруженной силой; заседание прервано — и прекратил свои полезные функции. Сады кресла спикера встали справа и слева человек сорок гвардейцев лиги с шашками наголо».

— М-р Спенсер, — сказал вождь, — я вынужден просить вас покинуть председательское место.

Он повернулся влоботорота к правительственным скамьям: — Господа членов кабинета, я рекомендую вам без промедления передать ваши портфели своим секретарям. Дня блага державы его величества и ради нужд нашей великой империи я должен на время взять на себя ваши функции. Когда Англия снова найдет свою душу, когда ее здоровье будет восстановлено, тогда же древняя свобода слова и совещания возратится к ней.

В течение ошумленного промекнутого времени еще присутствующих можно было принять за восковые фигуры — так тихо и неподвижно они стояли. Затем действие возобновилось. Два теохориста выступили вперед и стали по обе стороны спикера.

— Я протестую от имени общин Англии, — сказал спикер, вставая и подбирая свою мантру, чтобы было удобнее спуститься с трибуны.

— Ваш протест принимается к сведению, — ответил вождь и, повернувшись, отдал своей гвардии приказ очистить здание.

Они выполнили свои обязанности без торопливости и насилия. С левой стороны густым стадом толпились новые рабочие правительственно-компании туманных идеалистов и «социалистических авантюристов» — и его сторонники. М-р Рэмзи Макудэу стоял перед столом, как всегда несколько поодаль от своих коллег — настоящее изображение неподготовленности. М-р Пиргэм видел его раньше всего раз или два, и когда теперь он взглянул на него глазами верховного вождя, м-р Макудэу показался ему еще более тощим и угловатым, чем обычно, еще более похожим на одинокое, ободранное ветром дерево на вымершем лугу, более бледным, с более неправильными чертами лица сознательной красоты. Он отдался в руки, ошеломленный идеализмом. Его глава с молчаливым обратилась к ложе репортеров, к скамьям правых, к балкону для дам, затем к толкучку, скрывающему от него его бога; наконец они вернулись обратно, к группам и толпам его собственных сторонников.

За лицом шумом можно было понять только, что он произносит речь. Он провозгласил шум, похорош не то на лай собаки, не то на мычанье коровы. Верховный вождь расслышал, что м-р Макудэу выразился о нем как о «духе неправедном». Затем он раздобыл что-то о честности иерея и что кто-то подает лампадный крест. Когда по данному верховным вождям знаку два гвардейца лиги стали приближаться к м-ру Макудэу, его жесты, которыми он пытался указать, что его партии нужно будет собраться где-то в другом месте, стали более энергичными. Одно мгновение он стоял, высоко подняв голову, в повелительной позе, с поднятой рукой, указывавшей на небеса; затем он как-будто сложился вдвое и ретировался.

Позади него сэр Эберт Мозес тихо пытался сорганизовать стовиющую с овечьей покорностью на лицах толпу членов правительственной партии для какого-либо коллективного акта протеста.

М-р Куп, крайний левый, явно агитировал в пользу насильственных действий, но не достиг никакого успеха. По большей части эти члены рабочей партии старались, как обычно, определить, что другие считают правильными в данный момент, чтобы немедленно поступить точно так же. Парламентские пристава не оказывали им в этом никакой помощи, а гвардейцы лиги сбили их в кучу, как стадо овец. Один м-р Филип Сноуфильд оставался на месте. Он был бледнее от злости и бормота как-то бесшумно промолвил: «Когда гвардейцы подошли к нему, он пошел к выходу, время от времени оборачиваясь, чтобы сказать гвардейцам несколько неприятных слов. При этом он стучал палкой о пол».

— Запомните мои слова, — пишет Сноуфильд, — вы, вы, молодые люди, еще покажете, что вступили в эту дурацкую историю».

Громкий полковник Бенероти шел за Сноуфильдом охраняя его.

Настоящая драма произошла только в одном случае — с отчаянным лидером левого крыла Вэкстоном. С ним Бенеротин по всем правилам того особого жанра-диктатора, которое практиковала гвардия «Лиги верховного долга». Его вытаски из зала лицом вниз; волос его волочился по полу.

Остальные депутаты, зыбучнейшие скамьи — представительственной партии, решительно расклевывали ущем. Вэкстоны они сохранили вертикальное положение и медленно отступили без рукоприкладства. Большинство старалось принять позу оскорбленного достоинства. Особенной популярностью пользовались скрепящиеся руки и предостерегающие жесты. Отступили как-то боком; при этом они часто сталкивались с либералами, которые держали то же самое, но под

— Власть, — сказал Парамуци, — власть!

несколько иным углом. М-р Сент-Джорж вышел бодро, как будто случайно, держа руки за спиной. У него был такой вид, будто он идет куда-то по своим личным делам и даже не замечал, что происходит. Его дочь — тоже идея парамунти — быстро последовала за ним. Сэр Маймон Джон и М-р Гарольд Сэмюэль долго шептались и что-то записывали, пока нет физического насилия не надвинулось слишком близко. Из их жестов всякому было ясно, что они считают действия верховного вождя противозаконными и что им доставляет удовольствие обладать этим козырем против него.

Многие на консерваторов откровенно сосуществовали действиям верховного вождя. М-р Болдвина в палате не было, но Сэр Остин Чемберлен галдел угадал на происходящее и болтал с лэди Аспер, пришедшей в вестер и заалодировавшей своими хорошекими ручками, когда схватили и поволокли Работона. Ей хотелось, чтобы еще хотя несколько членов партии вмешались в драку и подверглись такому же наказанию, и она была очень разочарована, когда этого не случилось. М-р Эмери, великий империалист и финансист, взобрался на стул, чтобы поучие видеть, и угадал во весь рот, делая как-то благожелательные телодвижения. Он уже знал, что он назначен в члены совета верховного вождя. Верховный вождь, напряжен следивший за всеми подробностями, внезапно осознал, что ему аллодируют со своей оппозиции. Он выпрыгнул во весь рост и торжественно выключился.

— Кто идет домой? — крикнул кто-то, и повторный вогадез прокатился по корридору. Эти традиционные вогадез закончили спектакль пятисот английских парламентав.

Верховный вождь вышел. Он очутился в коридоре, ведущем из палаты общин в палату лордов. Там сидел, тихо всхлипывая, одинокий человек. Когда человек поднял голову, верховный вождь увидел, что это — лорд Каот, носивший раньше имя сэра Вильфреда Джемсона Джекса.

— Я должен был сделать это... — шептал Джекс. — Я должен был сделать это месяца и месяца тому назад.

Затем его богатородило пихнуло одержала вверх. Он поднялся, схватил слезу и открыто, по-братски протянул руку верховному вождю.

— Вы должны теперь помочь мне ради Англии, — сказала вождь.

2

Разгон парламента был признан населением очень спокойной.

Представление о членах парламента, как о наростах, представляемых, давно исчезло в умозаки англичан. Это были просто люди, которые пролезали в парламент и которых теперь выставили оттуга.

Завзятая власть в Англии, Пиргэм совершает обидет европейские столицы, чтобы заручиться содействием держав предстоящей войне против СССР. Европа посылает Германию, которой в этот момент правит уже фашистский диктатор, и Францию. Сторгованвись с германским диктатором и французским президентом, Пиргэм летит в Италию.

— В Рим, — сказал верховный вождь.

Предстояла встреча с великим Парамунти, образом, по которому равнялись все великие люди эпохи, гением, сличком могучим для маленькой Италии.

Задача верховного вождя была в возможно более величественной форме предложить Италии четвертое место в Союзе и четвертое по размерам долище, которую должна была дать замышляемая им авантюра — гигантский поеднок Западной Европы с Востоком.

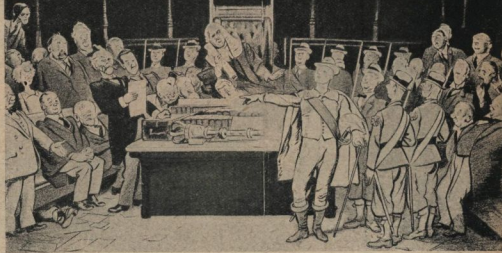
Необходимо было, кроме того, несколько разочаровать Италию относительно ее будущего в Северной Африке. Ее внимание нужно было направить на Грецию, на Балканы и (генеральной идея верховного вождя) на Крым. Соглашение было достигнуто.

В Риме все делалось в классическом стиле или, вернее, допуская некоторые внутренние противоречия в слове, в неоклассическую форму. Белая колоннада памятника Виктору Эмануэлу составляла подложный фон для сцены свидания двух вождей. Верховный вождь Англии был в придворном мундире и украшен орденами. Сверху был надет плащ собственного изобретения. Парамунти надед для этого случая костюм из черного бархата с серебряными позументами и шляпу со страусовыми перьями исключительных размеров. Они сидели в фокусе большого позуктура, образованного фотографическими аппаратами.

— Привет британскому цезарю!

— Привет чешскому Италии!

Развалили мощные привестивия стоявших по обе стороны Веллечия соммутиры ридаль. Фидон. Никогда и нигде привестивия толпы не были доведены до такого уровня, как в Италии под властью Парамунти. Фашисты продавали изумительные вещи, привестивия вождя руками, грудью, ногами, подбородками, носами... Они хопали в залопи так единодушно и одновременно, что казался, будто трескался небо.

— Протесту от имени общины Англии, — сказала Спирер.

— Да здравствует британский цезарь! — и затем воинный клич фашистов: — Нет, Лондону далеко до Рима!

Когда великие люди остались вдвоем, наступил момент напряженного духовного единения. Парамунти приложил свое лицо к расширенным глазам и брауроческому лицу гостя. Он протянул вперед крепко сжатый кулак.

— Власть, — сказал Парамунти, — власть!

Для пояснения своей мысли он сделал другим кулаком движение, как-будто выжимал или выворачивал что-то.

Совождение верной, — ответил верховный вождь, отодвигаясь с англо-саксонской сдержанностью, и поклонился.

Парамунти сделал жест, как бы охватывая руками весь земной шар. Его глаза пожараля англичанина.

Мир, сказал Парамунти, — а мы? что мы такое? Мужественность. Живая сила.

— Да, — ответил верховный вождь, — да, разумеется.

— Я люблю жизнь, — сказал Парамунти. — Я люблю жизнь с небывалой страстью. И смерть. И опасность — кровную суть жизни. Дисциплина. Да. Но и смерть и опасность — Я люблю необъезженных коней. Покушения на меня забавают меня.

И вдруг, впадая в неживой тон, он добавил:

— И музыка. Наша итальянская музыка. Скарлатини... И любовь. Искренняя, страстная, безоглядная любовь. Любовь учеников и преподавателей сторюничков. Все это осуществлено.

— Это моя, — сказал верховный вождь кратко, — долг.

— Да, — это был настоящий козырь. Парамунти очень хотелось, чтобы эти слова были произнесены им самим.

Для северного уха верховного вождя в этот свидание было что-то преувеличенное. Им овладели ожидания относительно результатов переговоров с Парамунти. Однако, когда дошло до дела, Парамунти оказался очень сговорчивым. Он был щедр на обещания и так согласился на получение четвертой по размерам доли добычи, как-будто это была первая. Было ясно, что итальянский народ примет ее как первую и устроит ему триумф. Парамунти был окружен ореолом чудесного. Он мог, как фокусник, вытаскивать славу древнего Рима из рукава своей одежде; он мог превратить старую шляпу в империю; он мог казаться нищему, безграмотному населению страны достаточной гарантией для неограниченных займов...

— Линии следующей мировой борьбы намечаются, — сказал верховный вождь, обращаясь к Парамунти, — логически, рационально и неизбежно следующим образом. Нужно ли мне объяснять вам положение, лишь вашу латинскую ясность, жид? Здесь, — безуховный вождь сделал широкий обводящий жест рукой), здесь безгранично обширная, потенциально более мощная, чем весь остальной мир, Россия. Царская или большевистская — решительно все равно. Она — главная опасность, основной враг. Она не может не расти. У нее есть пространство. У нее есть огромные природные богатства. Она ударит по Англии через Турцию, как всегда, через Афганистан (как всегда, а теперь — через Китай). Она делает это инстинктивно, по необходимости. Мы не виним ее за это. Но мы должны зашифроваться. Что будет делать Германия? Держаться вместе с Западом? Держаться вместе с Востоком? Кто скажет? Народ ученых, второстепенная держава, оспариваемая территория. Мы ее привлечем на свою сторону, но я не на ней строю свои расчеты.

Политика остального мира ясна. Мы должны окружить Россию, мы должны предупредить опасность, идущую из восточной равнины, прежде чем она одолеет нас. Тут же как мы изолировали меньшую опасность, опасность Готенголеров. Здесь, на Западе, мы заходим России с фланга с нашей союзницей Францией и Польшей, ее верной ученицей; на Востоке — с помощью нашей союзницы Японии. Мы нападем на нее из Индии. Мы направим против нее острие африканского копья. Иза-за нее мы держим в своих руках Гибралтар; иза-за нее мы сторожим Константинополь. Америка втягивается в войну на нашей стороне. Она неизбежно, воплеявезав, становится нашей союзницей, так как она не может допустить, чтобы Россия через Китай пришла к океану морем. Таково мировое положение, если смотреть на него широко и смело.

Пер. с англ. В. К. Житомирского

ДАЙТЕ НОВУЮ ИГРУШКУ!

Заметка З. Ли

Еще первая кукла имела свою социальную функцию.

В эпоху расцвета игрушки во Франции XVII в., когда аристократический Париж считался законодателем мод и вкусов, высшее общество избрало для своей пропаганды куклы. Куклы одевались по последней моде. Матери изучали по ней моду — дети забавлялись ею. Немой проводник классовой культуры добросовестно и честно служил своему хозяину.

В России шovinистическая культура наслаждалась оловянными солдатами, а куклы воспитывали меншики-обывательские вкусы подрастающего поколения. Но в России можно было встретить «оппозиционную» игрушку. Это были кустарные изделия, куда часто проникал сатирический элемент.

На игрушечном рынке нередко появлялись пышные, упитанные монахи, толстые, с огромным животом купчины-пузатые, держиморды-жандармы и т. д. Эти игрушки встречались верхами общества

крайне недоброежелательно. Часто мастера-игрушечники терпели гонение.

В большинстве своем русская игрушка, в особенности кустарная, являлась прежде всего... произведением искусства. Она заботилась о внешней, эстетической стороне и ни в какой степени не была рассчитана на воспитание трудового начала у ребенка.

Перед советской игрушкой стоят огромные воспитательные задачи. В настоящее время эти задачи еще больше осложняются проблемой политехнического воспитания детей.

Игровая деятельность ребенка начинает сейчас стимулироваться внесенным производственной игрушки — строительным материалом, танкетками, трактором и т. д.

Вот очень пестрая мозаичная постройка с вышками и дугами — она называется «дом». Но вдруг этот дом превращается в длинную, зигзагообразную цепь — трамвай, потом из этого вырастает высокая каланча, затем колодец, и малыш счастлива, он улыбается, радостно хлопает в ладоши.

Строительные игрушки воспитывают у ребенка чувство коллективного творчества, развивают комбинаторские способности. Ребенок один не может справиться с этими игрушками, вокруг них заята целая группа его товарищей: одни выбирают материал, другие строят и т. д.

Прекрасная производственная игрушка для ребят 6-8 лет, недавно изобретенная на Запале — меккано, — это различные формы строительного материала с отверстиями для гаек, дуг, брусев. Из них комбинируются различные модели домов, мостов, железных дорог и пр. Меккано — сложная и интересная, чисто «политехническая» игрушка.

На таком же строительном принципе построена «монтеissorовская пирамида», начинающаяся с 32 см куба и кончающаяся кубом в 2 см. Крупный строительный материал выполнили мастерами МОНУ, представив 118 совершенно различных архитектурных форм. Интересен материал, выполненный по системе Дедювиллю, состоящий из 150 разных предметов с большими плоскостями для пола и потолка.

Наблюдения над юными архитекторами, произведенные научными сотрудниками Московского музея игрушки Наркомпроса и Ленинградской «Домкопильной жизни ребенка», показывают, что у детей политехнические игрушки пользуются большим успехом. Ребенок до того увлечается, что не замечает, как проходит время.

Такая игра быстро развивает изобретательность, желание самостоятельно строить, выдумывать. Ребенок уже заражен «строительным» и постепенно начинает изобретать самостоятельно игрушку.

В наших дачах и домах самодеятельной игрушки не уделяют достаточного внимания. Между тем после строительного материала, который дает ребенку общую ориентировку в вещах, самодеятельная игрушка должна быть следующим этапом в производственно-игровой жизни ребенка, воспользовав в нем творческий момент, наблюдательность и трудовой навык, а это впоследствии окажется хорошим трамплином от школы в производство.

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА СОВЕТОВ

В Москве, на Берсеневской набережной, заканчивается стройка нового дома правительства.

КУКЛЫ В ОТСТАВКУ

Фото и монтаж В. Грюнта

44816

На шахте им. Октябрьской революции. Наверху—первая производственная коммунa, занесенная на красную доску. Внизу—шахтерки-отнатицы.

Главлит № А 80.628. Отл. в 7-й тил. Искра „Революция“ Мосполитграф, Москва, Арбат, Филипп, пер. 13. З. Т. 2990.

Библиотечка „Смены“. Вышли из печати и рассылаются подписчикам следующие книжки:

